

К. И. Зубков

ЗАМЕТКИ О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НА ПОЛЯХ ПРЕЗИДЕНТСКОГО УКАЗА

«Понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое мнение, как о предметах литературы, о музыке или о иностранной политике, но составляет, так сказать, существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни...»¹

И. В. Киреевский

За двадцать последних лет у мыслящей части российских историков уже успело сформироваться в меру настороженное и даже вполне критическое отношение ко всем начинаниям власти, в которых уж слишком явно просматривается казенный интерес к наделению истории очередной служебной функцией. Указ президента России Дмитрия Медведева № 49 от 9 января 2012 г. «О проведении в Российской Федерации Года российской истории»,² кажется, счастливо избежал этой участи, встретив в профессиональном сообществе российских историков безусловное и редкое по единодушию одобрение как долгожданный и своевременный шаг, призванный подчеркнуть самоценное значение истории в жизнеустройстве и самосознании общества. Пожалуй, это вообще первый случай за последние несколько десятилетий, когда отечественная история не только избавлена от необходимости оправдывать свое существование в глазах общества, подыскивая аргументы за пределами своего собственного пространства смыслов, но и сознательно помещается в фокус общественного внимания как самостоятельная и непреходящая ценность.

В том, что опыт национальной истории обретает такое значение в обстановке непрерывно провозглашаемых реформ и «модернизаций», вдохновленных преимущественно зарубежными идеями и примерами, наверное, нет ничего удивительного: чем больше общество самим течением повседневной жизни отрывается от своих исторических корней, тем

с большей эмоциональной силой в нем должна, в конце концов, проявиться потребность в сохранении и укреплении собственной идентичности через обращение к исторической памяти. Увлеченность прогрессом, вероятно, может в отдельные моменты компенсировать недостаток исторического чувства. Но чаще бывает наоборот: именно на восходящих витках развития в обществе возникает потребность поверить правду жизни правдой истории, осмыслить себя, свои достижения и проблемы мерой пройденного исторического пути. Так почти двести лет назад русское общество — уже вполне «культуренное» европейским Просвещением и окрыленное победами над Наполеоном — внезапно и жадно потянулось к своей собственной истории. А. С. Пушкин так запечатлел общественный фурор, который вызвали поступившие в продажу в начале 1818 г. первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили».³ Трудно предполагать, что грандиозная программа мероприятий, намеченных в рамках Года российской истории, и даже вновь созданное Российское историческое общество смогут в ближайшее же время дать нашему отечеству второго — пусть и «коллективного» — Карамзина, но сходный посыл к всеобъемлющей «историзации» общественного сознания в развернутой кампании просматривается вполне отчетливо.

И он сегодня как никогда актуален. Охватившая современный мир глобализация усиливает «горизонтальное», синхронистическое измерение происходящих в обществах социально-культурных трансформаций, слов-

¹ Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 143.

² Указ президента Российской Федерации № 49 // Президент России: <http://kremlin.ru/acts/14238>.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 3-е изд. Т. 8. М., 1965. С. 66, 67.

но воссоздавая бесконечную череду бледных, национальных лишь по названию копий одного цивилизационного прототипа, и — самое тревожное — этот упрощенно-технологичный строй современной жизни, всецело поглощенной футуристической гонкой за новизной, как будто подводит жирную черту под историзмом как привычным для нас способом познания и осмысления мира. Размытость границ между научно-историческим фактом и постмодернистскими «играми разума» в сознании миллионов, пожалуй, ярче всего характеризует эту драму «утраты прошлого» грядущей глобальной цивилизацией. Как отмечает Владимир Якунин в одном из последних выпусков «Эксперта», контурно намечаемый мир будущего, управляемый «глобальной финансовой олигархией», — это мир, который принципиально не приемлет духовности, исторических традиций, национальной самобытности, связи поколений, т.е. всего того, что основано на чувстве истории и способно удерживать человека, как и целые народы, от превращения в легкий объект манипулирования.⁴

Между тем положение истории на культурно-интеллектуальном горизонте эпохи не столь однозначно и безнадежно. Поскольку любой отказ от истории равнозначен отказу от собственной сущности, постольку в калейдоскопе современной жизни, при всей относительной легкости, с которой формируются новые идентичности, лишь разделяемое людьми общее прошлое сообщает им соответствующую — неслучайную, архетипическую — глубину взаимной духовной связности. Даже при неизбежных уступках постмодернизму — если общее прошлое всего лишь воображается, оно должно, по меньшей мере, «взрыхлять» пласты истории, представая в форме убедительного исторического рассказа. По мере того как развитие современного мира становится все более сложным и все менее предсказуемым, массовое общество — эта протоплазма глобализации — сможет, вероятно, обходиться совсем без истории, но политически зрелые, рефлексирующие фракции общества всегда будут именно в истории искать ту концептуальную точку опоры, которая дает им возможность если не предсказать происходящие с ними перемены, то, по крайней мере, объяснить их и найти в этом стимул для своего дальнейшего

развития. Современный кризис историзма, на наш взгляд, лишь оттеняет в чем-то элитарный характер исторического мышления. Апелляция к традициям и урокам истории остается одним из самых серьезных аргументов политиков, когда они представляют обществу свои манифесты действий, а «историзация» политики — в виде проведения исторических параллелей между эпохами — становится чем-то вроде моды. Это очень хорошо показала быстро набравшая международные обороты, беспрецедентно активная полемика вокруг 70-летия начала II Мировой войны — печального и поучительного юбилея, отмечавшегося, кстати, в разгар мирового финансового кризиса, который ярко продемонстрировал идейный тупик современной глобализации.

Ситуация, когда общество стремится самоутвердиться в дне сегодняшнем, апеллируя не к самым постыдным страницам своей истории, вполне естественна. Но при этом важно помнить, что и сама история, в которой мы с готовностью ищем утешения или воодушевления, есть весьма сложный конструкт, в который вплавлена не только объективная данность прошлого, но и настоящее. Наши суждения о прошлом, точнее говоря, вопросы, с которыми мы постоянно обращаемся к нему в стремлении понять себя, так же существенны для любой исторической реконструкции, как и само прошлое. Своеобразная «закольцованность» прошлого и настоящего, их активная коммуникация и постоянно уточняемая и корректируемая смысловая зависимость друг от друга позволяют понять простую истину: мы зависим от прошлого точно так же, как оно зависит от нашей заинтересованности в нем. И здесь мы неизбежно вступаем в область метанаррации, когда важно понять: чего же мы должны ожидать от Года российской истории? Создания нового нормативного дискурса (вроде развенчанного марксизма-ленинизма), который будет оказывать мощное идеологическое воздействие на пишущих историков и приведет к историческому «воцерковлению» нашего общества, или подлинного пробуждения широкого общественного интереса к истории Отечества, который не только воплотит в себе всю гамму ценностей, позиций и аттитюдов, характеризующих наше сложное, полурасколотое общество, но и послужит основой для консолидации их в самоощущение единой нации? Здесь, как всегда, велик риск монологичности — того, что общественное на-

⁴ Якунин В. Цены вместо ценностей // Эксперт. 2012. 9–15 июля. № 27(810). С. 66.

значение истории будет заменено поручением «сверху». Не секрет, что любой власти во все времена было свойственно искать в историческом прошлом прежде всего собственной легитимации — доказательств того, что она и есть тот венец творения, к которому неумолимо подводила вся предшествующая история. Хочется надеяться, что заметное присутствие у руля идущей кампании высокопоставленных государственных чиновников (председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина — в качестве главы Российского исторического общества, руководителя аппарата Счетной палаты С. М. Шахрая — во главе правления общества)⁵ отражает не тщету человеческую, но искренний интерес новой российской элиты к отечественной истории, понимание ее важности для консолидации нашего общества.

Нет сомнений в том, что 2012 год выбран чрезвычайно удачно для смотра творческих сил российской исторической науки: на этот год приходится два круглых юбилея — 400-летие очищения Москвы от поляков (ноябрь 1612 г.), знаменовавшего окончание Смутного времени и иностранной интервенции, и 200-летие Отечественной войны 1812 г. Оба этих события совершенно исключительны в своем историческом значении — прежде всего как высочайшие взлеты народного патриотического духа, спасшего страну от гибели. Для русской истории это не столь уж частые моменты, когда народное — без различия сословий и племен — сознание единства страны затмило или отодвинуло на второй план традиционно сильную роль государства. Такие юбилеи — повод не только ярко воскресить в общественном сознании героические страницы отечественной истории, но и рассмотреть с новых позиций важнейшие концептуальные вопросы.

Один из них касается национализма — феномена, хорошо изученного на материалах всемирной истории, но всегда с трудом различаемого в истории российской, — и не только из-за остаточных влияний мощной марксистской прививки, требующей связывать формирование нации не с изменяющейся народной ментальностью, а лишь с зарождением капитализма. Речь, конечно же, идет не об «узкоплеменном», сугубо этническом понимании национализма, которое стало усердно культивироваться в России после краха СССР, но о

чувстве гражданско-политического единства, которое характеризует всякую зрелую нацию. В этом смысле российской истории фатально недоставало ясных и свободных выражений чувства национального единства — ни с точки зрения возможностей, ни с точки зрения времени. До самых последних дней своего существования Российская империя по форме оставалась династическим, патримониальным государством, по отношению к которому все сословия и национальности были поставлены в служебные отношения, а «народность» понималась прежде всего как сакральная связь монарха со своими подданными. В 1917 г. полufeодальную империю стремительно сменил советский режим, который, отдав кратковременную дань своеобразно понимаемому «национальному вопросу», мыслил магистральную программу своих действий все-таки в русле интернационально-классового, а не национального единства. Запоздалая попытка создать аналог гражданской нации в форме «новой исторической общности — советского народа» была прервана крушением СССР и радикальной сменой базовой идентичности, которая в итоге оставила впечатление большой недоделанной исторической работы. Правильно ли будет на этом основании видеть в российской истории лишь вечную, перемежающуюся срывами драму поиска идентичности, отводя одному только государству роль исторического демиурга и хранителя национальной преемственности?

Уже В. О. Ключевский увидел в Смуте начала XVII в. анахроническое несоответствие между инерцией «вотчинно-династического» взгляда на Московское государство и реальной стихийной работой «народной жизни», исподволь делавшей страну «союзом великорусского народа» и завязывавшей «в умах представление о всей Русской земле как о чем-то целом»: если первый фактор послужил непосредственной причиной политического кризиса, то второй — в такой же мере способствовал его преодолению, знаменуя качественный сдвиг в народном сознании.⁶ Война 1812 г. вновь с необычайной силой воспроизвела ситуацию, когда сама власть почерпнула в национальном единении «необходимые силы и твердость характера в борьбе с гигантом-завоевателем».⁷

⁵ См.: Петров А. Е. Год российской истории: задачи и перспективы // Родина. 2012. № 3. С. 3.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 3. Ч. 3. С. 48.

⁷ Шмурло Е. Ф. История России. 862–1917. М., 2001. С. 479.

Моменты национальных кризисов, на наш взгляд, примечательны и важны для изучения именно тем, что позволяют обнаружить далеко не эфемерное присутствие в российской истории феномена гражданско-национального единства на разных стадиях его становления. Это — дополнительный повод поставить вопрос о необходимости изучения истории России не только в ее государственнической версии (которая в последние годы абсолютно преобладает), но и в ее подлинно народном, национальном аспекте. Важно уяснить, какие исторические силы, какие структуры жизнедеятельности, помимо государственных скреп, заставляли народы России ставить национальное единство выше социальной розни, веками жить вместе и совместно творить историю.

Советская историография в свое время предлагала немало усилий к разработке данной темы, но, как и следовало из идеологических предписаний марксизма-ленинизма, делала это с огромной массой передержек и схематических упрощений: шельмуя продажность социальных верхов, преувеличивая солидарность угнетенных классов и манипулируя категориями большего или меньшего «исторического зла», когда имела дело с заведомо реакционным (царистским) государством, или рисуя никогда не существовавшую идиллию «дружбы народов», когда речь заходила о народолюбивом «государстве рабочих и крестьян». Вся иллюзорность этой картины и острота реальных проблем особенно хорошо видны сегодня, когда открытость России разнообразным внешним влияниям и невиданная свобода всемирного общения уже не делают одно только государство абсолютным гарантом желаемого национального единства. Уже тот факт, что в своей президентской избирательной кампании 2012 г. В. В. Путин поставил национальный вопрос по важности на первое место,⁸ говорит о многом, в частности о том, что «многообразие языков, традиций, этносов и культур», в котором нам хотелось бы видеть духовное богатство России, при определенных обстоятельствах может превратиться в густую сеть трещин, чреватых разломами не «внутрисемейной», но цивилизационной глубины. Если к этому присовокупить «разномирность» образов жизни вестернизированной российской элиты (которая уже скорее «там», чем

«здесь») и основной массы российского населения (она-то навсегда «здесь»), что с тревогой констатируют социологи,⁹ то понятие «российская нация» вообще начинает восприниматься как весьма далекое от реальности. Думается, что одна из сверхзадач Года российской истории как раз и должна заключаться в ответственной «восстановительной» работе по укреплению российского национального самосознания скромными силами и средствами профессионального сообщества историков.

Эту важную общественную миссию историческая наука могла бы выполнять и при реализации другой не менее актуальной сегодня задачи — примирения крайностей современного исторического сознания россиян и формирования в нашем обществе исторической культуры, адекватной идеалу единой нации и в то же время корректной по отношению к самому прошлому. Заметим, что гораздо раньше, чем к этому пришли сами историки, уже в начале 2000-х гг. нечто вроде социального заказа на совмещение и идеологическое примирение в современной российской действительности реминисценций уже далекого и совсем недавнего исторического прошлого (идеализированного образа Российской империи, державных атрибутов советской эпохи, либеральных политических завоеваний ельцинского правления) стало явно и неявно формулироваться в политике государства. Каким бы политически нарочитым, искусственным и поспешным ни виделось тогда стремление власти подвести тем самым черту под ситуацией переходного времени, оно косвенно свидетельствовало не только о наличии в современном российском обществе существенно отличающихся субкультур, отождествляющих себя с разными историческими идеалами и ценностями, но и о том, что само современное российское общество в высшей степени неоднородно и совмещает в себе пока еще плохо «сросшиеся» пласты разных исторических времен, живое наследие разных исторических реальностей.

Американский историк Дж. Биллингтон, известнейший специалист по русской культуре, видит в этой разорванности исторического сознания россиян одну из самых серьезных проблем, осложняющих выбор Россией достойного пути развития в сообществе цивилизованных государств. По его мнению, «взрывной» инте-

⁸ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

⁹ См.: Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен: курс лекций. М., 2004. С. 276, 277.

рес российского общества к национальной истории, который наблюдался после крушения коммунизма, вероятнее всего, потребует от России не просто принятия некоторой модели политического и экономического устройства, но актуализации в связи с этим определенных частей своего исторического наследия. Он, в частности, связывает прогрессивный выбор России с безусловным уходом от тоталитарного наследия и с возвращением к «традициям, более совместимым с демократией» (элементы гражданского общества и местного самоуправления в царский период, трудовая этика русского старообрядчества и т. п.).¹⁰

В реальности же структура русского прошлого, присутствующего в современном историческом сознании, много сложнее и, конечно, не сводится к упрощенной дихотомии «тоталитаризм — демократия», в которой больше политически ангажированного актуализма, чем добросовестного историзма. Думается, что задача, достойная Года российской истории, заключается все-таки не в политически мотивированном выборе между тем или иным периодом или разделом российской истории, а в концептуальном «соединении времен», в создании такой научной версии национальной истории, которая бы снимала очевидные противоречия между ними.

В структуре современного исторического сознания россиян представлены различные типы апелляций к прошлому. В ней можно, например, обнаружить почти мистическое преклонение перед инерционными, так называемыми «вечными», факторами развития, характеризующими уходящее в глубь веков цивилизационное, геополитическое и ментальное своеобразие России, своего рода неуничтожимый «гештальт» российской архаики. Как справедливо отмечает Г. И. Зверева, необычайный расцвет «новой» российской историософии (от различных реанимированных вариантов «русской идеи» до неоевразийства), претендующей на выявление «вечных» категорий и алгоритмов исторического бытия России как основы ее самоопределения в настоящем и будущем, не только выдает поспешные, в ряде случаев облегченные, попытки ответить на идеологические и геополитические запросы сегодняшней государственной власти, но и говорит о кризисе концептосферы современной истори-

ческой науки, о ее неспособности адекватно осмыслить особенности и противоречия переживаемого Россией этапа развития в их связи с прошлым.¹¹ Именно поэтому историков на данном проблемном поле начинают активно замещать философы, социологи, культурологи, филологи, что создает при исследовании влияния инерционных факторов исторического развития России определенный дискурсивный перекося в сторону абстрагирующих концептов, призванных не столько исследовать исторические процессы, сколько «привести их к известному» — к тому или иному метафизическому пониманию «русской судьбы». Не вполне продуктивное влияние этой традиции исследований на историков можно видеть на примере ряда работ, где исторический анализ фактически подменен кликушеством по поводу «Святой Руси», мессианизмом самого дурного пошиба.¹² Это, конечно, не означает, что запечатленная в архаичных пластах российской истории метафизика должна с порога отвергаться как продукт помутненного драмой реформ сознания. Напротив, ощущается громадная потребность в исследовании того, в какой степени русская архаика присутствует в российской современности — и в своих внешних формах (традиционализм), и в сущностных, структуральных инвариантах. Но исследовать эту проблему необходимо методологическими и инструментальными средствами самой исторической науки (к чему российские историки, к сожалению, еще не подошли).

Как конфликтующие, труднопримиримые компоненты современного исторического сознания россиян, смыкаемые пока лишь чисто хронологически, сосуществуют идеализированное имперское прошлое России, трагически прерванное революцией 1917 г., и недавнее советское прошлое, «заложником» которого является практически вся постсоветская действительность — от унаследованных атрибутов геополитической мощи (ядерное оружие, космические исследования, оборонный комплекс и т. п.) и подавляющей части производственного аппарата до стереотипов политической культуры и типичных приемов властвования. В восприятии истории советского периода особенно ярко представлены все полярности

¹⁰ Биллингтон Дж. Х. Россия в поисках себя: ст. и выступления. М., 2011. Т. 2. С. 217.

¹¹ Зверева Г. И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика // Феномен прошлого. М., 2005. С. 294, 295.

¹² См.: Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004.

и вся избирательность современного исторического сознания россиян: для одних — Советский Союз продолжает оставаться символом геополитического могущества, эпохой великих свершений в покорении атома и космоса, вершиной социетального прогресса, для других — советская история суживается до истории ГУЛАГа и отчаянного поединка между диссидентством и КГБ. Эти противоречия в восприятии истории советского периода бросают свой ответ и на историографические трактовки совсем уже недавнего прошлого — тех масштабных трансформаций, которые происходили в России в 1990-е гг.: для одних авторов это — прогрессивные революционные преобразования, знаменующие «возвращение рынка и частной собственности» и возобновляющие «прерванный в 1917 г. путь к демократии и свободе»,¹³ для других — прежде всего социальная катастрофа, «масштабное уничтожение материальной основы промышленности и сельского хозяйства»,¹⁴ новое издание «Смутного времени».¹⁵ К сожалению, ни «черно-белый» подход, ни исчерпывающая регистрация достижений и негативных итогов того или иного исторического периода (выдаваемая за полноту анализа) не являются выходом из ситуации, поскольку очевидно, что и то и другое часто имеет своим источником одну и ту же сложную историческую реальность, одних и тех же агентов и героев. Не спасает в этом случае и стойкая приверженность той или иной канонической политизированной концепции, берущей в качестве точки отсчета стремление увидеть в истории одно только желаемое — истоки и предпосылки прогрессивных перемен, — поскольку история России сплошь

и рядом является отрицанием такой каноничности. Совершенно очевидна, в частности, слабая релевантность либеральных концепций в приложении к российской истории, поскольку (как это хорошо показал на материалах поздней имперской России американский юрист и историк С. Уильямс¹⁶) подавляющую часть той прогрессивной исторической работы, которую в западных обществах выполнил либерализм, в России осуществляли режимы и институты, которые нельзя назвать ни либеральными, ни демократическими. В еще большей степени этот вывод относится к советскому периоду истории. Здесь в пору серьезно задуматься и над тем, в какой степени, например, современный российский капитализм можно считать продуктом реставрации дореволюционного, его «возвращением» или, лучше сказать, «вторым пришествием» (хотя бы в рамках цивилизационной или «мир-системной» преемственности), а в какой — абсолютно новым явлением.¹⁷

Этот беглый обзор труднейших вопросов, которые ставит перед российской исторической наукой сегодняшнее состояние умов, позволяет ей, как в зеркале, увидеть и собственные концептуальные слабости. В этой связи тот призыв к консолидации профессионального сообщества российских историков, его различных научных школ и групп, который определил программу Года российской истории,¹⁸ рождает надежду на то, что этот новый уровень общения историков и друг с другом, и с обществом в целом прольет больше света на нерешенные проблемы российской истории и будет способствовать лучшему пониманию нашей зависимости от собственной истории.

Ключевые слова: *российская историческая наука, президентский указ, год российской истории, самосознание общества*

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

¹³ История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2008. С. 737, 744.

¹⁴ История России XX — начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. М., 2007. С. 9.

¹⁵ Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004. С. 359–363.

¹⁶ См.: Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме. Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг.: пер. с англ. М., 2009.

¹⁷ Современные дискуссии на эту тему см.: Очкина А. В. Два «капитализма» в России: по материалам науч. конф. // Мир России. 2009. № 1. С. 164–179; Тарасов А. Н. Россия: «второе издание капитализма» // Свободная мысль. 2009. № 1 (1596). С. 31–44.

¹⁸ Петров А. Е. Указ. соч. С. 2.

NOTES ON THE RUSSIAN HISTORY IN THE MARGINS OF THE PRESIDENTIAL DECREE

The article presents a discussion of the most important from the point of view of the author conceptual, social and institutional problems of the evolution of the Russian historical research brought to the foreground by the events dedicated to the national Year of Russian History. The author's attention was focused on the social purpose of the historical research in the modern world, its role in the shaping of historical consciousness of the Russian society and its national consolidation. The conceptual problems of the Russian historical research are studied in their close relation to the state of the historical consciousness of the Russian people which can be described today as deeply controversial.

Keywords: *Russia's history, a presidential decree, the year of Russian history, social identity*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Barsenkov A. S., Vdovin A. I., Voronkova S. V. Moscow: Eksmo, 2007, 960 p. (in Russ.).
- Billington J. H. Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino, Vol. 2, 2011, 288 c. (in Russ.).
- Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: uchebnik* (History of Russia from ancient times to the present day: a textbook). Moscow: Prospekt, 2008, 768 p. (in Russ.).
- Kireevskiy I.V. Moscow: "Iskusstvo", 1979, p. 143. (in Russ.).
- Klyuchevskiy V. O. Moscow: Mysl, Vol. 3, part 3, 1988, 414 p. (in Russ.).
- Narochnitskaya N. A. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 536 p. (in Russ.).
- Ochkina A. V. *Mir Rossii* (World of Russia), Moscow, 2009, № 1, pp. 164–179. (in Russ.).
- Pechenev V. A. Moscow: Norma, 2004, 368 p. (in Russ.).
- Petrov A. Ye. *Rodina* (Motherland), 2012, № 3, pp. 2, 3. (in Russ.).
- Pushkin A. S. Moscow: "Nauka", Vol. 8, 1965, 596 p. (in Russ.).
- Putin V. V. Available at: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (accessed 1 August 2012). (in Russ.).
- Ryvkina R. V. Moscow: GU VShE, 2004, 440 p. (in Russ.).
- Shmurlo Ye. F. Moscow: Agraf, 2001, 736 p. (in Russ.).
- Tarasov A. N. *Svobodnaya mysl* (Free thought), 2009, № 1 (1596), pp. 31–44. (in Russ.).
- Williams S. Moscow: IRISEN, 2009, 329 p. (in Russ.).
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy federatsii № 49* (Decree of the President of the Russian Federation № 49). Available at: <http://kremlin.ru/acts/14238> (accessed 1 August 2012). (in Russ.).
- Yakunin V. *Ekspert* (Expert), 2012, July 9–15, № 27 (810), pp. 64–67. (in Russ.).
- Zvereva G. I. *Fenomen proshlogo: sb. nauch. tr.* (The phenomenon of the past: collected papers). Moscow: GU VShE, 2005, pp. 292–315. (in Russ.).